

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НЕМЕЦКАЯ ФИЛОЛОГИЯ  
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ  
ГОСУДАРСТВЕННОМ  
УНИВЕРСИТЕТЕ

III

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ  
ЯЗЫКОВЫХ ФЕНОМЕНОВ

Ответственный редактор проф. *С. Т. Нефёдов*



ББК 81.2Нем  
Н50

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. В. В. Наумов (С.-Петербург. гос. политехн. ун-т); канд. филол. наук, доц. Т. В. Пономарева (С.-Петербург. гос. ун-т)

*Печатается по постановлению  
Редакционно-издательского совета  
филологического факультета  
Санкт-Петербургского государственного университета*

**Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. III: Антропоцентризм языковых феноменов: сб. науч. ст. / под ред. д-ра филол. наук, проф. С. Т. Нефёдова. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. — 184 с.**  
ISSN 2307-7824

Первые два выпуска, нумерованные, вышли в 2001 и 2012 годах, «Традиции и современность» и «Памяти учителей — Л. Р. Зиндера, Т. В. Строевой, Г. Н. Эйхбаум» соответственно.

В данный выпуск вошли статьи по актуальной проблеме современной лингвистики — изучению антропоцентрических свойств разноформатных единиц, принадлежащих разным сторонам языка, и выявлению антропоориентированных моделей построения отдельных типов дискурса как в современных немецкоговорящих сообществах, так и в исторически отдаленные эпохи существования немецкого языка.

Издание рассчитано в первую очередь на филологов-германистов, но может представлять интерес и для лингвистов широкого профиля, интересующихся вопросами антропоцентризма в естественных языках.

ББК 81.2Нем

© Авторы статей, 2013

© Санкт-Петербургский  
государственный  
университет, 2013

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редактора. В многовекторном пространстве современной антропоцентрической лингвистики .....</i>	4
<b>Дискуссии по общим вопросам антропоцентризма</b>	
<i>Галич Г. Г. Языковые категории в аспекте антропоцентризма.....</i>	8
<i>Новожилова К. Р. Дискурс в литературной коммуникации .....</i>	14
<b>Антропоцентрические проекции в различных типах дискурса</b>	
<i>Гончарова Е. А. Эгоцентризм и интроспекция как основа композиции и архитектоники художественного текста .....</i>	29
<i>Филиппов К. А. Личностные параметры немецкого историко-грамматического дискурса XVIII века.....</i>	41
<i>Бондарко Н. А. Анонимный сборник духовной прозы XV в. из Любека в рукописи Нем. Q. I. 310 Российской национальной библиотеки .....</i>	53
<i>Ковтунова Е. А. Немецкий анекдот в контексте антропоцентрической парадигмы .....</i>	82
<b>Языковые средства — антропоцентрические индикаторы субъекта речи</b>	
<i>Бирр-Цуркан Л. Ф. Контактостанавливающие средства в шванках Ганса Сакса .....</i>	91
<i>Вознесенская Ю. В. Речевые средства реализации стратегии манипуляции (на материале немецких парламентских дебатов).....</i>	101
<i>Григорьева Л. Н. Средства выражения побудительности в немецких потребительских текстах.....</i>	110
<i>Дмитриева М. А. Древненемецкие вопросительные предложения как составляющая «аргументативного дискурса» Ноткера .....</i>	121
<i>Езан И. Е. Роль фактора адресата в политической коммуникации.....</i>	129
<i>Нефёдов С. Т. Акцентированность позиции говорящего и способы включения в высказывание модальных компонентов .....</i>	138
<i>Подгорная Л. И. Книжная миниатюра немецкого средневековья .....</i>	145
<i>Прудывус А. Н. Семантический и словообразовательный аспект ласкательных прозвищ.....</i>	155
<i>Снежинская Г. В. Вопросы текстологии в работе переводчика (на материале книги Ф. Степуна «Mystische Weltschau»).....</i>	162

## ЛИЧНОСТНЫЕ ПАРАМЕТРЫ НЕМЕЦКОГО ИСТОРИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА XVIII ВЕКА

Для раскрытия темы настоящего исследования, т. е. определения личностных параметров историко-грамматического дискурса Германии XVIII в., как нельзя лучше подходят удивительные слова, высказанные немецким обладателем Нобелевской премии по литературе Гюнтером Грассом. Этими словами он начинает свою историческую повесть «Встреча в Тельgte» (*Das Treffen in Telgte*). В ней писатель парадоксальным образом реконструирует события, произошедшие более трехсот лет назад: «Вчера будет то, что было завтра. Наши сегодняшние истории, очевидно, произошли не сейчас. Эта началась более трехсот лет назад. Другие тоже. Так издали берет начало любая история, случаемая в Германии» (*Gestern wird sein, was morgen gewesen ist. Unsere Geschichten von heute müssen sich nicht jetzt zugetragen haben. Diese fing vor mehr als dreihundert Jahren an. Andere Geschichten auch. So lang rührt jede Geschichte her, die in Deutschland handelt*) [11, S. 7].

Истоки современного немецкого научного дискурса следует искать в эпохе, пронизанной просветительскими тенденциями, определявшими общественную, политическую, культурную и научную жизнь европейских государств. Именно эпоха Просвещения, охватившая всю Европу и продолжавшаяся весь XVIII век, знаменует переход от невежества и научной косности к пониманию решающей роли разума и науки в познании природы человека и общества.

М. М. Бахтин, говоря о пространстве и времени в произведениях Гёте, пишет о необходимости исторического подхода к эпохе Просвещения: «При таком подходе XVIII век раскрывается как эпоха могучего пробуждения чувства времени, прежде всего чувства времени в природе и в человеческой жизни. До последней трети века преобладают циклические времена, но и они при всей их ограниченности взрывают плугом времени неподвижный мир предшествующих эпох. И в этой взрыленной циклическими временами почве начинают раскрываться и приметы исторического времени. Противоречия современности, утрачивая свой абсолютный, богом данный, вечный характер, раскрывают в современности историче-

скую разновременность — пережитки прошлого и зачатки, тенденции будущего» [2, с. 217].

Личностные параметры историко-грамматического дискурса XVIII века можно определить только в опоре на документальные свидетельства этого периода. Примечательно, что среди текстов, оказавших наибольшее воздействие на развитие европейской науки, В. Г. Адмони называет тексты, в которых документально зафиксированы достижения в математике и астрономии, а также в филологии и логике [1, с. 105–106]. Как не вспомнить в этой связи то обстоятельство, что вплоть до XVIII в. перечисленные выше научные дисциплины составляли основу так называемых «семи свободных искусств», в число которых, как известно, включались грамматика, риторика, диалектика (называемая логикой), арифметика, геометрия, астрономия, музыка (см., например, [3, с. 7]).

Приведенное выше замечание В. Г. Адмони относится к периоду становления современной западноевропейской науки, которая, по словам автора, «начинает свое мощное поступательное движение, начиная с XVI в., достигает огромных высот в XVII в. и затем все быстрее и быстрее приводит к невероятным успехам на широчайшем фронте. Такое развитие отмечено отказом от характерного для средневековья следования авторитету античных текстов и выдвиганием на передний план опыта и математического обоснования научных выводов» [1, с. 106].

Немецкое Просвещение, характеризующееся в том числе и «выдвижением на передний план опыта и математического обоснования научных выводов» (см. приведенную выше цитату В. Г. Адмони), занимает выдающееся место в истории европейской науки и культуры, причем осознание данного факта пришло не сразу. Некоторая ясность в этот вопрос была внесена только в период позднего Просвещения, когда свою позицию по данному вопросу высказали несколько выдающихся немецких представителей науки и культуры. Удивительно, что поводом к полемике о сущности просвещения послужила статья малоизвестного автора, напечатанная в «Берлинском ежемесячном журнале» (*Berlinische Monatsschrift*).

В декабрьском номере ежемесячника за 1783 г. была опубликована статья берлинского пастора Иоганна Фридриха Цёлльнера, выступившего против заключения браков гражданскими властями. Эта статья стала ответом на выступление анонимного автора

в сентябрьском номере журнала в пользу института гражданского брака. В интересах государства Цёлльнер выступил в защиту церковного брака и полемизировал с автором и его сторонниками, кроме всего прочего, по поводу того «смятения в умах и сердцах людей», которое вызывает само слово «Просвещение» [13, S. 3].

Это выступление, вероятно, осталось бы незамеченным, если бы не провокационный вопрос, поставленный автором в примечаниях к статье: «Что такое просвещение? На этот вопрос, который почти так же важен, как вопрос: Что такое истина?, вероятно, следовало бы ответить прежде, чем приступать к просвещению! И все же я нигде не смог найти ответа на этот вопрос!» (*Was ist Aufklärung? Diese Frage, die beinahe so wichtig ist, als: Was ist Wahrheit? sollte doch wohl beantwortet werden, ehe man aufzuklären anfinge! Und doch habe ich sie nirgends beantwortet gefunden!*) [Ibid.].

Этот вопрос, поставленный до той поры никому не известным протестантским пастором в статье о гражданском браке и помещенный к тому же в сноске внизу страницы, имел важные последствия и оказался чрезвычайно плодотворным для истории европейской философии. Ответ современников Цёлльнера не заставил себя долго ждать.

Первым в полемику вступил философ Мозес Мендельсон, поместивший в сентябрьском номере берлинского журнала за 1784 г. сочинение «О вопросе: что значит просвещать?» (*Über die Frage: Was heißt aufklären?*). Для языковедов наиболее важным представляется та часть его ответа, в которой он связывает между собой понятия «просвещение», «культура», «образование» и «язык»: «Язык достигает просвещения благодаря наукам и достигает культуры благодаря общественному обращению, поэзии и красноречию. Благодаря первому фактору (т. е. просвещению. — К. Ф.) он становится более удобным в теоретическом, благодаря второму фактору (т. е. культуре. — К. Ф.) — в практическом использовании. Оба фактора вместе придают языку образованный вид» (*Eine Sprache erlanget Aufklärung durch die Wissenschaften und erlanget Kultur durch gesellschaftlichen Umgang, Poesie und Beredsamkeit. Durch jene wird sie geschikter zu theoretischem, durch diese zu praktischen Gebrauche. Beides zusammen gibt einer Sprache die Bildung*) [14, S. 4–5].

Следующим оппонентом выступил Иммануил Кант со своим афористичным разъяснением вопроса «Что такое просвещение?»

(Was ist Aufklärung?). Знаменитый философ сформулировал своеобразный девиз всей эпохи Просвещения: «Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине — это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! — имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения» (*Aufklärung ist der Ausgang des Menschen aus seiner selbstverschuldeten Unmündigkeit. Unmündigkeit ist das Unvermögen, sich seines Verstandes ohne Leitung eines anderen zu bedienen. Selbstverschuldet ist diese Unmündigkeit, wenn die Ursache derselben nicht am Mangel des Verstandes, sondern der Entschließung und des Mutes liegt, sich seiner ohne Leitung eines andern zu bedienen. Sapere aude! Habe Mut, dich deines eigenen Verstandes zu bedienen! ist also der Wahlspruch der Aufklärung*) [12, S. 9].

Для Канта путь к просвещению предполагал свободу (*Freiheit*) и публичное использование разума (*öffentlicher Gebrauch der Vernunft*). Философ проводил четкую границу между частным и публичным применением разума: «...Применение священником своего разума перед своими прихожанами есть лишь частное его применение, ибо эти прихожане составляют только домашнее, хотя и большое, собрание людей. И ввиду этого он, как священник, не свободен и не может быть свободным, так как он выполняет чужое поручение. В качестве же ученого, который через свои произведения говорит с настоящей публикой, а именно с миром, стало быть при публичном применении своего разума, священник располагает неограниченной свободой пользоваться своим разумом и говорить от своего имени» (*Der Gebrauch also, den ein angestellter Lehrer von seiner Vernunft vor seiner Gemeinde macht, ist bloß ein Privatgebrauch; weil diese immer nur eine häusliche, obzwar noch so große, Versammlung ist; und in Ansehung dessen ist er, als Priester, nicht frei, und darf es auch nicht sein, weil er einen fremden Auftrag ausrichtet. Dagegen als Gelehrter, der durch Schriften zum eigentlichen Publikum, nämlich der Welt, spricht, mithin der Geistliche im öffentlichen Gebrauche seiner Vernunft, genießt*

*einer uneingeschränkter Freiheit, sich seiner eigenen Vernunft zu bedienen und in seiner eigenen Person zu sprechen*) [Ibid., S. 13].

Приведенная выше цитата интересна тем, что Кант дает в ней краткую характеристику научно-исследовательского подхода, характерного для всей эпохи Просвещения. Хотелось бы еще раз подчеркнуть ключевые слова Канта, характеризующие позицию ученого, пытающегося вникнуть в тайны природы и общества: 1) ученый говорит с миром посредством своих произведений, 2) применение разума должно осуществляться публично, 3) в своей деятельности ученый пользуется неограниченной свободой и 4) говорит от своего имени.

Последующие участники полемики дополнили картину о том, что же такое просвещение. Писатель и поэт Христоф Мартин Виланд сравнивал просвещение со светом, при котором вещи предстают в истинном облике (*sobald Licht gebracht wird, klären sich die Sachen auf*) [19, S. 23]. Немецкий теолог Андреас Рим видел в просвещении потребность человеческого разума (*Aufklärung ist ein Bedürfnis des menschlichen Verstandes*) [16, S. 29]. Фридрих Шиллер призывал «наберись смелости стать умнее» (*Erkühne dich, weiser zu sein*). [18, S. 55].

Приведенные выше мысли были высказаны немецкими просветителями во второй половине XVIII в. Но необходимо заметить, что намного ранее **Готфрид Вильгельм Лейбниц** подчеркивал: «Мы тем свободнее, чем больше поступаем сообразно рассудку, и тем больше поработаны, чем больше поддаемся страстям» [5, с.7]. (*Wir sind um so freier, je mehr wir der Vernunft gemäß handeln, und um so mehr geknechtet, je mehr wir uns von der Leidenschaft regieren lassen*).

Одну из своих немногочисленных работ, написанных на немецком языке (*Unvorgreifliche Gedanken, betreffend der Ausübung und Verbesserung der deutschen Sprache*), Лейбниц начинает словами: Известно, что язык является зеркалом разума, и что народы, если они хотят возвысить свой разум, одновременно должны хорошо владеть языком, как показывают примеры греков, римлян и арабов и» (*Es ist bekandt, daß die Sprach ein Spiegel des Verstandes, und daß die Völcker, wenn Sie den Verstand hoch schwingen, auch zugleich die Sprache wohl ausüben, welches der Griechen, Römer und Araber Beyspiele zeige*) (цит. по: [15, S. 327]). Знаменитая метафора Лейбница «Язык есть



зеркало разума» стала ключевой для понимания позиции ученых-просветителей в области языка.

Готфрид Вильгельм Лейбниц представил своё понимание знакового характера языка: «Однако при использовании языка особо нужно отметить то, что слова являются знаками не только мыслей, но и вещей, и что знаки нам нужны не только для того, чтобы сообщить наше мнение другим, но и помочь самим нашим мыслям» (*Es ist aber bey dem Gebrauch der Sprache auch dieses sonderlich zu betrachten, dass die Worte nicht nur der Gedancken, sondern auch der Dinge Zeichen seyn, und dass wir Zeichen nöthig haben, nicht nur unsere Meynung andern anzudeuten, sondern auch unsern Gedancken selbst zu helfen*) [Ibid., S. 328].

В понимании Лейбница, слова — это «разменные монеты» (*Rechen-Pfennige*), «векселя разума» (*Wechsel-Zeddel des Verstandes*), используемые вместо образов и вещей [Ibid., S. 329]. При этом слова должны быть «хорошо оформленными, хорошо различимыми, доступными, употребительными, легко произносимыми и приятными» (*wohl gefasset, wohl unterschieden, zulänglich, häuffig, leichtfliessend und angenehm*) [Ibid.].

Лейбниц мечтал о создании искусственного языка, специально приспособленного для научных целей, свободного от метафор и образных выражений. В основе аргументации, по его мнению, должны лежать математические действия, тем более, что сам Лейбниц своими трудами доказал, каких высот может достичь наука при использовании математических методов (подробнее см. [9, S. 208–209]).

Один из наиболее влиятельных представителей немецкого Просвещения, идейный продолжатель дела Лейбница **Христиан Вольф** (1679—1754) стремился подчеркнуть роль разума, логических законов и форм мышления в науке и культуре. Это стремление прослеживается в самом названии многих произведений Вольфа, которые начинались словами «Разумные мысли» (*Vernünftige Gedanken*). Сфера научных интересов Христиана Вольфа была чрезвычайно обширной.

В 1726 году Вольф представил собственное описание своих философских трудов, вышедших на немецком языке (*Ausführliche Nachricht des Autoris von seinen eigenen Schriften, die er in deutscher Sprache von den verschiedenen Theilen der Welt-Weisheit heraus gegeben*).

В этом произведении мы находим много положений, созвучных мыслям Лейбница о роли разума в изучении природы и общества, а также развивающих его концепцию языка.

В 4-й главе этой книги под названием «О свободе философствования, которой пользуется автор» (*Das 4. Capitel. Von der Freyheit zu philosophiren, deren sich der Autor bedienet*) немецкий ученый неоднократно говорит о личной ответственности исследователя за результаты научного поиска. При этом он сначала ссылается на свой собственный опыт, а уже затем формулирует общее правило, содержащее главный смысл научного поиска. Ср.: «В поисках истины я ориентировался на себя, а не на других» (*Ich habe mich in Beurtheilung der Wahrheit nach mir und nicht nach andern gerichtet*) [20, 126–127]; или: «Свобода философствования состоит в том, чтобы в поисках истины ориентироваться не на других, а на себя. Потому что если ты склонен считать что-либо истинным, ибо кто-либо другой говорит тебе, что это истинно, и нужно согласиться с доказательством только потому, что другой (человек) считает его убедительным; то тогда ты попадаешь в рабство (*Und hierinnen besteht die Freiheit zu philosophiren, daß man sich in Beurtheilung der Wahrheit nicht nach andern, sondern nach sich selbst richtet. Denn wenn man gehalten ist etwas für wahr zu halten, weil es ein anderer saget, daß es wahr sei, und den Beweis deswegen muß gelten lassen, weil ihn der andere für überzeugend ausgiebt; so ist man in der Slavery*) [20, S. 132].

В середине главы Христиан Вольф высказывает мысль, достойную включения в энциклопедию знаменитых фраз немецкой эпохи Просвещения: «Разуму нельзя приказать» (*Der Verstand lässet sich nicht befehlen*) [Ibid. S. 130].

И хотя Вольфа уже в XVIII и — особенно — в XIX в. упрекали в излишней педантичности и догматизме, тем не менее, своим рационалистическим подходом, основанным на правилах логики и охватывающим все уровни анализа от понятийного до системного и текстового, в рамках научного дискурса XVIII в. он не только открыл перед современниками новые функциональные возможности немецкого языка, но и определил контуры той парадигмы письменной научной речи, которая имеет свое значение и для современной науки. Кстати сказать, строгая систематика научного подхода, характерного для вольфианского периода немецкой науки, оказал благотворное влияние на многие последующие поколе-

ния европейских ученых, в том числе на философские изыскания Иммануила Канта [17, 43–44].

Крупный немецкий писатель и теоретик литературы эпохи Просвещения **Иоганн Христоф Готшед** (1700–1766) был признанным последователем Лейбница и Вольфа. Наиболее значительным трудом в области грамматики считается его книга «*Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*», которая вышла в свет в 1748 г. и служила образцом учебника по грамматике многие десятилетия [9, S. 215].

Уже в самом названии учебника Готшед закладывает свое видение немецкой грамматики; ср.: «*Grundlegung einer deutschen Sprachkunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasset*». Ориентация писателя на лучшие образцы текстов немецких писателей «прошлого и нынешнего веков» позволяет некоторым авторам назвать позицию Готшеда «просвещенным разумным вариантом старого образца» (*eine aufgeklärt vernünftige Variante des alten Musters*) [8, S. 248].

Готшед стремился к созданию совершенного языка, это видно хотя бы из того, что одна из глав его грамматики называется «*Von der Vollkommenheit einer Sprache überhaupt*». В этом разделе, кроме всего прочего, перечисляются черты, создающие совершенный облик языка. В § 3 говорится: «Насколько богатство и изобилие составляют первую сторону совершенства языка, настолько очевидно, что вторую особенность составляет понятность языка. Потому что язык — это средство, с помощью которого люди выражают свои мысли, и притом с намерением, что они будут поняты другими людьми» (*Wie nun der Reichthum und Überfluß die erste Vollkommenheit einer Sprache abgeben: so ist es auch gewiß, daß die Deutlichkeit derselben die zweyte ist. Denn die Sprache ist das Mittel, wodurch man seine Gedanken, und zwar in der Absicht ausdrucket, daß sie von andern verstanden werden sollen*) [10, S. 50]. В четвертом параграфе Готшед добавляет еще одно свойство: «Третье свойство языков — это краткость, или выразительность, т. е. способность несколькими словами выразить множество мыслей (*Die dritte gute Eigenschaft der Sprachen ist die Kürze, oder der Nachdruck; vermöge dessen man, mit wenigen Worten, viele Gedanken entdecken kann*) [Ibid., S. 51].

По мнению Л. Айхингера, основу грамматики Готшеда составляет «правильный разумный язык образованных людей» (*die gebildete, geregelte Sprache der Vernunft*) [8, S. 250]. Ср. высказывание Готше-

да: «Грамматика вообще — это обоснованные указания, как следует говорить и писать на языке какого-либо народа, в соответствии с его лучшим диалектом и в согласии с лучшими писателями» (*Eine Sprachkunst überhaupt ist eine gegründete Anweisung, wie man die Sprache eines gewissen Volkes, nach der besten Mundart desselben, und nach der Einstimmung seiner besten Schriftsteller, richtig und zierlich, sowohl reden, als schreiben sollte*) [10, S. 37].

Взгляды представителя позднего немецкого Просвещения **Иоганна Кристофа Аделунга** носят явно выраженные черты сходства с грамматическими воззрениями Готшеда. Главный лексикографический труд Аделунга — создание «Грамматико-критического словаря немецкого литературного языка» (*Das Grammatisch-kritische Wörterbuch der hochdeutschen Mundart*), работа над которым заняла 12 лет (1774–1786). Во всех произведениях Аделунга, включая его словарь, видны черты просветительских идей XVIII в.

В работе *Umständliches Gebäude der Deutschen Sprache, zur Erläuterung der Deutschen Sprachlehre für Schule* (1782) Аделунг, обращаясь к школьным учителям, пишет: «Грамматика присуща разумному и научному сообщению в той же степени, что любая другая наука, и обязанность любого учителя грамматики — дать всем понятиям в языке высшую, какую только возможно, степень понятности и разъяснить начала всей явлений, насколько это позволяет природа вещей» (*Die Sprachlehre ist des vernünftigen und wissenschaftlichen Vortrages eben so sehr fähig als eine jede andere Lehre, und es ist die Pflicht eines jeden Sprachlehrers, allen Begriffen in der Sprache den höchsten nur möglichen Grad der Deutlichkeit zu geben und die Gründe aller Erscheinungen aufzusuchen, als die Natur der Sache es verstattet.*) [7, S. 116].

По словам Л. Айхингера, одного из авторитетных современных немецких исследователей творчества Аделунга, в оценке того, что можно считать хорошим стилем немецкого языка, взгляды Аделунга не намного отличаются от концепции Готшеда. Немецкий автор видит много соответствий между оценками нормативного немецкого языка двумя выдающимися учеными-просветителями. Так, признаки хорошего стиля, упоминаемые Готшедом в своих трудах (*deutlich, artig, ungezwungen, vernünftig, natürlich, edel, wohlgefaßt, ausführlich, wohlgeknüpft, wohlangetheilet*), во многом, соответствуют характеристикам, приводимым в своих работах Аделунгом (*Hochdeutsch, Sprachrichtigkeit, Reinigkeit, Klarheit, Deutlichkeit, Angemessen-*

heit, Präzision, Würde, Wohlklang, Einheit). И только четырьмя признакам языка в трактовке Аделунга нет соответствия в концепции Готшеда, а именно: *Hochdeutsch, Sprachrichtigkeit, Reinigkeit, Einheit* [8, S. 258].

При определении личностных параметров историко-грамматического дискурса XVIII века следует учитывать не только основные тенденции, определявшие развитие науки и культуры европейского Просвещения, но и разнообразие концепций, применяемых авторами при решении частных задач. Примером такого совмещения общих принципов и частных способов может служить фрагмент, содержащийся в словарной статье *Das Zeitwort* главного произведения Аделунга. В этом тексте автор называет причину, по которой он предпочитает латинский термин какому-либо немецкому слову: «нелегко найти подходящее немецкое слово, которое выражало бы основное содержание с точностью и вкусом (разрядка моя. — К. Ф.)» (*so wird sich wohl nicht leicht ein schickliches Deutsches Wort ausfindig machen lassen, welches auch nur den Hauptbegriff mit Präcision und Geschmack ausdrückte*) [6, S. 1681]. Два названных выше критерия — точность (т. е. опора на разум) и вкус (т. е. ориентация на личные пристрастия автора) — полностью соответствуют основным понятиям эпохи Просвещения.

Таким образом, главные движущие идеи эпохи Просвещения — опора на разум и свобода творчества — обусловили появление крупных достижений во многих областях науки и культуры. Грамматические концепции Лейбница, Вольфа, Готшеда, Аделунга позволили заложить основы современного немецкого языкознания, которые затем были продолжены трудами братьев Гримм, Вильгельма Гумбольдта и других выдающихся немецких лингвистов.

#### Литература

1. Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. М.: Наука, 1994.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. / сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979.
3. Исидор Севильский. Этимологии, или Начала. В XX книгах: Семь свободных искусств / пер. с латин., статья, примеч. и указатели Л. А. Харитоновой. СПб.: Евразия, 2006.
4. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 25–36.

5. *Энциклопедия афоризмов и мыслей великих людей* / сост. А. Семёнов. М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2007.
6. *Adelung J. Chr.* Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen. 4. Theil, von Seb — Z. Wien: Anton Pichler, 1808.
7. *Adelung J. Chr.* Umständliches Lehrgebäude der Deutschen Sprache zur Erläuterung der Deutschen Sprachlehre für Schulen. 1. Band. Leipzig, 1782.
8. *Eichiger L. M.* Vom Glück, Regeln zu befolgen — Adelung im Stil des 18. Jahrhunderts // Aufklärer, Sprachgelehrter, Didaktiker: Johann Christoph Adelung (1732–1806) / Hrsg. von H. Kämper, A. Klose, O. Vietze. Tübingen: Günter Narr Verlag, 2011. S. 247–270.
9. *Götttert K.-H.* Deutsch. Biografie einer Sprache: 4. Aufl. Berlin: Ullstein, 2010.
10. *Gottsched J. Chr.* Grundlegung einer deutschen Sprachkunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasst, und bey dieser dritten Auflage merklich vermehret von Johann Christoph Gottscheden. Leipzig, 1752.
11. *Grass G.* Das Treffen in Telgte: 4. Aufl. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1998.
12. *Kant I.* Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung! // Kant, Erhard, Hamann, Herder, Lessing, Mendelssohn, Riem, Schiller, Wieland. Was ist Aufklärung? Thesen und Definitionen / Hrsg. von E. Bahr. Stuttgart: Reclam, 2006. S. 8–17.
13. *Kant, Erhard, Hamann, Herder, Lessing, Mendelssohn, Riem, Schiller, Wieland.* Was ist Aufklärung? Thesen und Definitionen / Hrsg. von E. Bahr. Stuttgart: Reclam, 2006.
14. *Mendelssohn M.* Über die Frage: Was heißt aufklären? // Kant, Erhard, Hamann, Herder, Lessing, Mendelssohn, Riem, Schiller, Wieland. Was ist Aufklärung? Thesen und Definitionen / Hrsg. von E. Bahr. Stuttgart: Reclam, 2006. S. 3–7.
15. *Pietsch P.* Leibniz und die deutsche Sprache // Wissenschaftliche Beihefte zur Zeitschrift des Allgemeinen Deutschen Sprachvereins. 4. Reihe. 1908. H. 30. S. 313–356.
16. *Riem A.* Aufklärung ist ein Bedürfnis des Menschlichen Verstandes // Kant, Erhard, Hamann, Herder, Lessing, Mendelssohn, Riem, Schiller, Wieland. Was ist Aufklärung? Thesen und Definitionen / Hrsg. von E. Bahr. Stuttgart: Reclam, 2006. S. 28–36.
17. *Schiewe J.* Zum Wandel des Wissenschaftsdiskurses in Deutschland // Reden und Schreiben in der Wissenschaft / Hrsg. von P. Auer und H. Baßler. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2007. S. 31–49.
18. *Schiller Fr.* Über die Grenzen der Vernunft // Kant, Erhard, Hamann, Her-

der, Lessing, Mendelssohn, Riem, Schiller, Wieland. Was ist Aufklärung? Thesen und Definitionen / Hrsg. von E. Bahr. Stuttgart: Reclam, 2006. S. 53–56.

19. *Wieland Chr.* M. Sechs Fragen zur Aufklärung // Kant, Erhard, Hamann, Herder, Lessing, Mendelssohn, Riem, Schiller, Wieland. Was ist Aufklärung? Thesen und Definitionen / Hrsg. von E. Bahr. Stuttgart: Reclam, 2006. S. 23–27.

20. *Wolff Chr.* Christian Wolffens ausführliche Nachricht von seinen eigenen Schriften, die er in deutscher Sprache von verschiedenen Theilen der Welt-Weisheit heraus gegeben. 2. Ausg. Frankerfurt/M., 1733.